Петрушанский Борис 28.1.95.

РОЖДЕННЫЙ В РУБАШКЕ

Пианист Борис Петрушанский: "Мне показалось, что я в машине времени"

Моск. комсомолец. – 1995. – 28 янв. – с. 2.

Звездная пора

На Рождественском балу в Царском Селе, в Екатерининском дворце, среди потомков князей, их сиятельств, высочеств не затерялись их светлости актеры и музыканты. Через день был вечер у Нарышкиной... Борис Петрушанский играл Рахманинова в особом состоянии — в первом ряду сидела Вера Александровна, дочь двоюродного брата Рахманинова; пианиста подогревало, что она слышала самого композитора... Вере Александровне рассказали о разных премиях Петрушанского на международных конкурсах. Званая публика была растрогана, когда Борис в состоянии какой-то эйфории встал на колено и поцеловал руку Вере Александровне... На балу эта горделивая, почтенного возраста дама отплясывала, как молодая... Борис подошел к прима-балерине Наталье Макаровой и, склонив голову, сказал: "Не станцуете ли с человеком во фраке?" Действительно, среди смокингов фрак Петрушанского был заметен...

— Вальсировать с Макаровой я не посмел бы — потоптался, еле прикасаясь к Звезде.

Итальянцы полюбили Петрушанского после конкурса имени Алессандро Казагранде в г. Терни — тогда он получил 1-ю премию. Лауреата пригласили на фестиваль "Двух миров" в Сполето. Когда московский пианист, сыграв "Образы" Дебюсси и "Петрушку" Стравинского, сошел со сцены, к нему приблизилась странная пара: пожилой и довольно полный господин в чесучовом светлом костюме и молодая женщина. Господин по-английски сказал пианисту несколько комплиментов. Пара отошла, и Борис спросил: "А кто это?" Ему объяснили: "Сэмуэл Барбер". Петрушанский был потрясен — оказывается, его приветствовал знаменитый американский композитор, можно сказать, классик XX века. Барбер, видимо, сказал руководителям фестиваля добрые слова о московском пианисте, и благодаря этому Петрушанскому тут же дали сыграть еще один концерт в другом театре — в рамках того же фестиваля.

Сейчас Борис Петрушанский работает по контракту в г. Имоле, в "Accademia Pianistika". Ведет класс "Встречи с маэстро" для концертирующих музыкантов.

— Вместе с вами у Льва Наумова учился Владимир Виардо. Я писала о нем, когда Володя стал лауреатом конкурса имени Вана Клиберна. Теперь Виардо живет в Америке. Вы остались верны России, за границей работаете по контракту.

— Понятие Родины не устаревает, конечно. Но у нас, музыкантов, бродячая профессия. На Западе не спрашивают у пианиста и дирижера Баренбойма, откуда он — из Аргентины или Израиля. Отсутствие свободы передвижения оскорбительно для россиян, кто бы мы ни были — русские, евреи, башкиры... Житель маленького Люксембурга выезжает в Германию или Испанию, помахивая своим паспортом, без визы. А нам надо недели по три ходить в консульство, чтоб изволили разрешить поездку. Срываются концерты. Звонят — можешь приехать? — Не могу. Нет разрешения...

— А вы помните свою первую встречу с Римом?

— Еще бы! Когда наша машина помчалась по вечному городу, мне показалось, что я лечу в машине времени.

— В молодости вы поездили по миру в ансамбле со знаменитыми музыкантами. Везучий вы человек...

— Еще мальчишкой я ездил с Игорем Ойстрахом в Италию. После нашего с Дорой Шварцберг выступления на конкурсе ансамблей в Мюнхене (мы тогда получили 2-ю премию) Леонид Коган позвал меня поехать с ним в Югославию. Было это в 72-м году, перед моей службой в армии. Ездил я тогда не концертмейстером, а как ансамблист.

По гороскопу

— Борис, кто вы по гороскопу?

— Близнец.

— По "Астрологическому календарю" Донны Миклер, изданному "Уранией", Близнец относится к ментальным знакам стихии воздуха, связан с интеллектом. Его фразы: "Я думаю. Я сообщаю". Ключевые слова: "разносторонность", "осознание". Ваш покровитель — Меркурий. Значок Меркурия — крылатый бог Гермес. Среди качеств Близнеца — жизнерадостность, чувствительность.

— Что ж, придется соответствовать.

— Ваши самые сильные впечатления?

— Для меня всегда драгоценна русская зима. И все впечатления, связанные с ней. Люблю дружеское общение. Горько, что мои друзья разбросаны по свету. И нет возможности просто сесть в самолет и прилететь к ним, скажем, в Америку.

— В характере Близнецов — чувствительность и ветреность, даже "стремление пустить пыль в глаза". Среди очаровательных итальянок и юных учениц со всего света какое мужское сердце устоит?

— Я готов влюбиться в ученицу или в любого другого человека, если он согрет божественным внутренним огнем.

— Ну это возвышенно. У наших читателей будет повод упрекнуть нас в выспренности слога... Я про другое — не вышибло ли вас однажды из седла какое-то сильное чувство?

— Пока я стою на ногах. Меня никто не сшиб, но не потому, что я не способен оценить красоту. Италия постоянно провоцирует на это. Но итальянцы, итальянки для меня настолько погружены в общий пейзаж красоты этой страны, что я людей так воспринимаю, как часть этого произведения искусства, созданного самой природой.

— Мне вдруг показалось, что вы могли бы живописью заниматься.

— Совершенно и абсолютно не одарен. У меня дед по отцу был художником. Его "крокодильский" псевдоним Борис Клинч. В 30-е годы модно было брать яркие псевдонимы. Он работал карикатуристом и фотомонтажером. Занимался и живописью. Папа хорошо рисовал. А я совершенно не умею. Рисует моя жена Лена.

— Хорош ли ваш итальянский?

— Несколько лет назад я начал интересоваться итальянским. Сейчас это пригодилось. Чувствую себя свободно. А вот пословицы русские непереводимы. Но однажды мне "вмазали": "Sei nato colla camicia" ("Вы родились в рубашке"). Со стороны видней.

— Одна моя приятельница с консерваторским образованием не может никак найти работу в Италии.

— Лена тоже не работает. Чтобы там получить место в государственном учреждении — в музыкальной школе, в консерватории или университете, — необходимо иметь гражданство итальянское или, по крайней мере, стран Общего рынка. Англичанин, француз — пожалуйста, работайте. А русский — нет. Я даже в гости не могу пригласить кого угодно. Моя мама или родители Лены могут приехать на месяц. Но мои друзья из Америки, если у них русский паспорт, не в состоянии. Честно говоря, это раздражает. Все это понимают, сочувствуют.

— Ваше академическое начальство сурово?

— Директор Академии — обаятельный мужчина, выдающийся педагог. У него потрясающая фамилия — Франко Скала. Я говорю ему: "Франко, вы знаете, что по-русски означает "скала"?" Он улыбается, но закон не нарушит. Утес!

— В Имоле вы живете на широкую ногу?

— Ничего особенного. Наш быт достаточно прост. Супермаркеты полны — были бы деньги.

— Сколько комнат в вашей академической квартире?

— Четыре. С маленькой музыкальной комнатой.

— Вы водите машину? Какая у вас тачка?

— У меня "Ланча". Водить люблю, хотя в моторе ничего не понимаю. На "Ланче" иногда ездим к морю — Адриатика от нас километрах в пятидесяти.

— Бывают у вас столкновения с тамошним ГАИ?

— Был случай — обогнал, где не положено, и прямо перед носом гаишников... Штраф без разговоров, хотя и с извинениями.

— Когда-то мы приходили в ужас от фильмов про итальянских мафиози. Не кажется ли вам Италия раем по сравнению с нашим беспределом?

— Я бы не сказал — рай. Не стану приуменьшать опасность итальянского криминального мира. Нет тихих зон. Недавно Италию сотрясал страшный скандал. На Севере, где я живу, где все вроде бы спокойно, вдруг обнаружилось, что банда, много лет терроризировавшая население и убивавшая полицейских, сама состояла из полицейских. Это были трое братьев... Их поймали...

— Нас теперь даже этим не удивить!

— Убийцы всюду дьявольски изобретательны.

Кусок земли величиной с рояль

— Позвольте обратиться к вам торжественно, по русскому обычаю, Борис Всеволодович! Вас не тянет купить где-нибудь под Москвой соток десять земли, построить дом с камином и прочими европейскими удобствами? Съезжались бы к вам на Рождество друзья из всяческих америк...

— Я ленив. Строить дом — не по моему складу. Если бы меня к этому кто-то постоянно подталкивал, может быть, я и решился бы.

— Но ведь перспектива заманчивая...

— Идея замечательная. Россию я обожаю, лишь бы не горела земля под ногами. Не стреляли бы только из-за угла и на каждом шагу. Чтение газет с криминальной хроникой не притупляет восприятий.

— А какие газеты вы читаете в Москве?

— Мама Лены выписывает неизменно "Московский комсомолец".

— И каким вы его находите?

— Я вашу газету люблю. Но иногда тон некоторых статей бывает фриволен. Иногда ваши авторы пишут, форсируя голос, берут читателя на гландах, на глотке. Я не за солидность тона, но и не за фривольность. Но газета всегда интересна. И когда я приезжаю в Москву, читаю "МК". Лет 7 — 8 назад именно в "Московском комсомольце" обо мне писала Тамара Грум-Гржимайло...

— Вот и становитесь подмосковным помещиком, чтобы мы о вас чаще рассказывали.

— Мне нужен кусок земли величиной с этот рояль — было бы где его поставить. И работать, работать. Меня привлекает идея маленькой уединенной студии. В Италии у меня есть прекрасные условия для работы.

— И, наверное, для отдыха?

— Я не анахорет, но для развлечений в дансинги не хожу.

— Но мальчишкой бегали?

— А как же! На школьных вечерах танцевал так, что каблуки отскакивали. Тогда моден был рок, твист.

— И вы через это увлечение прошли?

— Еще бы! Я не инвалид — совершенно нормальный человек. Увлекался, влюблялся, сходил с ума. Своим родителям доставил немало беспокойств. Вибрировали они со мной не раз, но всегда как-то были уверены, что здравый смысл во мне возобладает. И, наверно, возобладал, в чем я не уверен.

— Радуетесь, что к вам не пришло еще "позорное благоразумие", как выразился Маяковский?

— Вот и я не уверен, что достаточно благоразумный человек. Честно говоря, я не умею делать карьеру по-настоящему.

— Не видите ее внутренней необходимости?

— Меня недавно спросили: "Что бы вы хотели?" — и я совершенно спонтанно придумал для себя формулу: "Я хотел бы играть лучше. Я хотел бы чаще играть лучше. Я хотел бы играть чаще".

К одной очень важной встрече привела меня жена Лена: музыковед по образованию и опыту, она работала в архиве Дмитрия Дмитриевича Шостаковича — большая почитательница его творчества. И подтолкнула меня к записи на компакт-диск 24 прелюдий и фуг Шостаковича. Я сопротивлялся, уверенный, что это полное сумасшествие: у меня не достанет сил, чтобы поднять этот цикл. Но Лена ободрила меня: "Не надо малодушничать". И я сдался. Эта адская и прекрасная работа стала моим миром. В прошлом году я записал Шостаковича в Москве, а компакт-диск вышел в Италии и разошелся по всему миру. Я счастлив, что получил высокую оценку Максима Шостаковича, с которым мы когда-то играли вместе. Работа над Шостаковичем — поразительный эпизод в моей жизни, соотносимый лишь с моей работой над исполнением всего фортепианного наследия Брамса, который я осуществил более десяти лет назад. Эти эпизоды страшного напряжения дают стимул к дальнейшему существованию, хотя после наступает спад. Потом трудно воспламениться еще.

— Надо отправиться в путешествие, куда-нибудь в Австралию.

— Надо путешествовать внутрь себя.

— Это утомительно.

— Смотря какая "нутрь"... Правда, печально, когда добираешься до дна.

— Вам свойственно самоедство?

— Конечно... Когда добираешься до собственного тупика, надо искать туннели, лабиринты, чтобы они тебя вывели на свет. Какой-то голос все время нашептывает попробовать что-то новое.

— Искушение более значительным и великим?

— Да, наверно...

— Мне кажется издалека, что Максим Шостакович на чужбине как-то подзавял...

— Не-ет. То, что здесь не слышно о нем, еще ничего не значит. К сожалению, информационный барьер еще не преодолен. С Максимом мы встретились несколько лет назад в Неаполе — играли вместе концерт Шостаковича. Он, по-моему, все тот же обаятельный, милый, раскованный и добрый человек, каким я знал его в Москве. Дирижерское мастерство Максима неизмеримо возросло. Он уже не работает шефом ни с одним оркестром — много дирижирует по миру; так, сейчас записывает с Лондонским симфоническим оркестром все симфонии Шостаковича. Он мне говорил, что с годами чувствует особенную тягу к музыке отца.

— В его личной жизни есть какие-то перемены?

— Неподалеку от Нью-Йорка он живет вместе с любимой женой (она давняя его русская любовь), с дочкой и маленьким мальчиком — Максимом Максимычем. У них вилла или ферма — все хорошо. Мы с ним перезваниваемся, может быть, он заедет ко мне в Италию.

— А где живет его сын Митя от первого брака?

— В Париже... По-моему, он пишет легкую музыку.

— С современными музыкальными звездами не встречаетесь?

— Я не барон Мюнхгаузен из фильма Марка Захарова, который говорит: "Сегодня у меня в гостях Шекспир". Похожие фразы я тоже произношу, вроде: "В студии у меня увлекательнейшая беседа с Шубертом".

21 января в Большом зале Московской консерватории с Государственным симфоническим оркестром (Светлановским) Борис Петрушанский масштабно исполнил редко играемый Второй концерт Прокофьева. Дирижировал Арнольд Кац.

Я попросила Петрушанского поделиться своим восприятием этой музыки Прокофьева.

— Второй концерт композитор написал в 13-м году, посвятив его памяти друга, покончившего с собой. Титаническое произведение по размаху, оно — само дыхание черной смерти. В финале сочинения тема меланхолии, тоски щемит душу. Русское понятие "щемит" не перевести точно на другой язык. Эту щемящую тему Прокофьев включает в конец сочинения: среди удушающего бега, кошмара, монстрообразного топота, давящего, уничтожающего все вокруг, появляется эта щемящая тема. Не сдержать слез... И потом композитор вновь возвращает нас к жути. Последние ноты не оставляют никакой надежды. Безысходна эта энергия смерти...

В сегодняшней трагической России я выбрал этот концерт Прокофьева вне всякой связи с Чечней. Музыка вечна, как вечны и вопросы, которые мы себе задаем.

Утром после концерта Петрушанский улетел в Италию: скоро ему предстоит сыграть фортепианный концерт Альфреда Шнитке в Риме, Болонье, Реджио Эмилиа и в Милане.

Из морозной Москвы маэстро захватил свои любимые кильки, варенье из клюквы и кипу книг.

Наталья ДАРДЫКИНА.